

Рассказ

1.

Новенькую выдавали руки, когда она, комкая воротник плаща, подошла к регистратуре, и Алина подала ей анкету; но юные перепуганные её пальцы не верили, что все это ей нужно, и ручка раз-другой выпала из её руки, пока она все там заполнила. Это неверие Пять Монахов почуял нутром.

— Ну и как она? — тихо спросил его доктор Юшкевич, они стояли в холле, наблюдая за прибывшей. Пять Монахов выронил из рук сумку с письмами. Новенькая оглянулась. — Добрый день, — кивнула она доктору с чуть надменной улыбкой, которой никто здесь не верил. — Добрый, — поклонился доктор, косясь из-под очков на её красивые ноги. — Ну и что скажешь о ней? — повторил доктор свой вопрос, когда Пять Монахов поднял с пола сумку, подобрал несколько выпавших писем.

— Выздоровеет! — сказал Пять Монахов. — Ты так полагаешь? — нахмурился доктор. С тех пор как они затеяли игру в прогнозы и загадки, Пять Монахов ни разу не ошибался. Об этом свидетельствовал "мэтирولو". Так называл этот скорбный список из фамилий умерших Юшкевич. Пять Монахов и сам не вполне понимал, как он просчитывает кто из онкологических выздоровеет, а кто — нет. Но он ни разу не проиграл пари.

— Она вылечится! — повторил Пять Монахов. Но на этот раз доктор Юшкевич заведомо навел справки о новенькой, и врач-радиолог, работавший в Москве, сообщил ему по телефону, что болезнь побеждает новенькую. Несмотря на повторную лучевую терапию — метастазы в лёгких. Но шанс есть. Всегда есть шанс, говорил дежурные фразы его бывший одноклассник. Однако оба понимали, что чудес не бывает.

2.

— Где она поселилась? — спросил доктор у Алины, провожая взглядом новенькую, которая с рассеянным видом, далекая от всех, словно зная не знала этого санатория, катила свой чемодан к лифту. — Она поселилась в гостинице. В номере с видом на море, — сказала Алина. — Вот как! — Ну не хочет она жить в палате с соседками. А мне-то что. Пусть живёт в гостинице. Раз у неё есть деньги. — Да, конечно, — согласился доктор. — Как она? — спросила Алина, взглянув на доктора.

— В каком смысле? — Ну, что тебе сказал Пять Монахов? — Он сказал, что она выздоровеет. — Слава Богу. — Покивнем, увидим, — буркнул доктор, изучая карточку приезжей. — Пять Монахов не ошибается. — Знаю, — сказал доктор. — Но тут дело швах. — По ней не скажешь, — вздохнула Алина. — Яркая женщина. Владелица балетной школы. "Ах, вот оно что...", — подумал доктор о стройных ногах приезжей. И взглянув на часы, висевшие на стене регистратуры, пошел принимать больных.

3.

Несмотря на утро, было жарко, но в тени, еще державшейся под обрывом, сыроватый песок холодил ступни. Она положила пляжную сумку на песок и устало присела на выбеленный солнцем и морем трехглавый пенё, похожий на дракона с отсеченными головами. Катило волны морю, сверкая гребешками из пены. На валуне, торчащем из воды, сидел баклан, расправив черные крылья для сушки. На морском горизонте промоздились розовые облака. Облака были прекрасны. Но все, на что она смотрела, приобретало привкус отчаяния. Лгать себе можно было год назад, когда ей сделали операцию. Но рак продолжал пожирать её, и вера её поколебалась, а потом умерла...

— Привет... Она подняла заплаканное лицо. — Привет... Перед ней стоял Пять Монахов, высокий как коломенская верста, в руках он держал сетку из проволоки, прикрепленную к длинному шесту, такой снастью местные жители ловят янтари. В санатории он был вместо почтальона — переправлял письма санаторским, жившим в домиках на берегу моря. Но почта ему не платила ничего, и он обходился тем, что ему перепало на кухне главного корпу-

са. Несколько раз она видела его в холле, он продавал свои безыскусные картины с парусниками, выложенные из янтара. Во взглядах, которые он бросал на нее, были почтительность и влюбленность. Но она истребляла всякую попытку к сближению одним взглядом серых глаз. Парень был красив, но зачем ей блаженный?

— Извини, — сказал он, увидев её слезы. — Тебе надо выплакаться... — Ничего, — сказала она, сглотнув. — Это тебе, — вытащил он из кармана линялых шорт крест из янтара вишневого цвета на кожаном красном шнурке.

Евгений
РУССКИХ

Пять Монахов

— Мне? — взяла она крест. На верхнем его конце золотилось слово "любовь", на нижнем — "вера". — Ух ты, — увидела она в красноватом сиянии шорт застывшего жука. — Спасибо большое...

— Та-а не за что, — осклабился Пять Монахов, обнажив ровные белые зубы. — Это магический крест, — он присел возле неё: — Носи его на груди поближе к шее. В нем сила Солнца и кровь Дракона... Это камень победы! Носи его постоянно. И ты победишь! — Правда?

Она взглянула через крест на солнце. Голова у неё закружилась...

Очнувшись она на песке, чувствуя тошноту: дексаметазон отравлял её.

— Я, кажется, отключилась... — вымученно улыбнулась она, поправив сползшую на её красивый лоб косынку.

В её огромных глазах проглядывало отчаяние.

— Я сейчас! — вскопчил Пять Монахов. — Тут в лесу есть бочонок... Там живая вода!

Не нужно, хотела сказать она, вода в сумке, но парень уже бежал к обрыву, бросив свой сачок.

Она надела крест на шею. И попыталась подняться, но ноги не держали. Силы вытекли из нее как балтийский песок сквозь пальцы. Он принес ей родниковой воды в глиняном кувшине. Вода, пахнущая хвоей, была действительно холодной и вкусной. Ей стало лучше, когда она сделала несколько глотков.

— Ох, спасибо! — сказала она, отдавая ему кувшин.

— Ты смелая, — сказал он. — Санаторские сюда не ходят поодиночке.

— Ты хочешь спросить, почему я одна? — сказала она.

Пять Монахов потупился.

— Потому что я одна, — призналась она, собираясь с силами. — Продолжим телепатию? Пять Монахов покосился на её руку.

— Ах да, кольцо, — перехватила она его взгляд. — Я не живу с мужем. Мы развелись... — Значит, ты свободна! — радостно воскликнул он.

Потом запнулся и деликатно прибавил: — Я хотел сказать, что худо бы одному, но еще хуже жить с человеком чуждым тебе по духу.

"А он не глуп, — подумала она, — и как будто читает мои мысли..."

— Муж изменял мне, я понимала его и прощала. Но потом он влюбился по-настоящему... Мне с мужчинами вообще не везло.

— А я бы отдал жизнь за тебя, — произнёс Пять Монахов с нежностью, подспудно в нём копившейся.

— Да ну? — улынулась она. — Такие слова мне давно никто не говорил.

— Это не слова.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— А мне тридцать три, — грустно улыбнулась она, хотя было ей только двадцать восемь.

Она всхлипнула

— Я скоро умру, — объяснила она свои слёзы.

— Ты не умрешь, — сказал он, в его живых глазах светилась доброта, переполнявшая его. — Ты будешь жить долго!

— ...И счастливо, — горько усмехнулась она.

— Да, — не заметив иронии, твердо сказал он. — Долго и счастливо!

Он прислушался. Нет, сердце не глало. Она не умрет! Радостное ощущение победы заполнило его. Не теряя ни секунды, он создал из этого ощущения сияющую звезду, вобравшую в себя добро, энергию и силу, лучезарно исходящую от его правоты. Сосредоточившись на этом сиянии, он страшным усилием воли направил исходящий от нее яркий и мощный луч на женщину. Теперь её вера будет непоколебима. И поможет ей одолеть болезнь!

— А почему я должна тебе верить? — донеслось до него из посостороннего мира.

— Надежда сильнее сомнений, — сказал он рвущимся от волнения голосом, представив, как с небес опускается легкое покрывало духовения Духа и, сливаясь с чистым сиянием звезд, обволакивает женщину: — Только нуж-

но верить. А ты сейчас как деревце, вырванное с корнем из земли. Где питание? И ты подпитываешься тем, что было с тобой до того, как это случилось. Лепишься душой к городу. И почти не придаешь значения тому, ради чего сюда приехала...

"А ведь он прав..." — посмотрела она на него долгим взглядом. И в ней опять шевельнулось животное, которое от страха, гордыни и непокорства заставляло её бежать по берегу моря куда глаза глядят, только бы отвязаться от санаторских, от всего и вся, что напоминало ей о болезни. Не в этом ли её проблема? — Почему тебя зовут Пять Монахов? — спро-

сила она, повеселев от того, что теперь знала своего врага.

— Мне казалось, что я могу помогать людям. С помощью одного ритуала. И хотел создать при санатории школу "Пять монахов". Но все решили, что у меня на Тибете снесло башню...

— Ты был на Тибете?

— Да. Но сначала я побывал в аду. Это случилось после смерти моей мамы. Я остался один и связался с плохой компанией, сел на иглу. Короче, однажды я ширнулесь. И моя душа отлетела... Знаешь, ад — не выдумка! Там чад и стенания! Над кострами копятся целовеческие головы... И работа не прекращается ни днем, ни ночью. В ужасе я умолял Бога вернуть меня назад. Клялся, что стану другим. Он меня услышал... И когда я очнулся, то понял, что все ничто. Все ничто, кроме души. И

тогда начался уже ад наяву. Наркота побеждала меня. И если бы не Тибет, я бы точно погиб. Там меня приютила семья тибетца — отец, его жена и сын. Эти простые люди добывали свой хлеб тяжелым трудом на клочке земли. Зато место, где стояло их жилище, было райским. С площадки, отгороженной от пропасти невысокой стеной, сложенной из камней, открывался вид на горы с заснеженными вершинами. Внизу петляла лента реки, и дух захватывало от этой первозданной природы. Вот на этой площадке семья тибетца утром и вечером проделывала один и тот же ритуал, который они называли "Пять монахов". Первый месяц я был мутен и слаб. Ритуал меня грузил, но я не хотел обижать добрых людей, спасших меня, и каждый день добросовестно выполнял все пять упражнений. Но через неделю или чуть больше в душе моей появилась радость. Чистая радость от того, что я живу, переполняя мое сердце. И мало-помалу до меня стало доходить, что "Пять монахов" это не "зарядка", а способ, помогающий обрести веру. И вся фишка в том, что его просто нужно выполнять. Каждодневно. Я полюбил Тибет, но затоковал по родине и вернулся. Квартиру, где мы жили с мамой, у меня отобрали за неуплату долгов. И у меня не было места, где бы я мог приткнуть голову. Однажды сгорел домик в лесу, принадлежавший санаторию, и доктор Юшкевич упрямил директора санатория отдать мне то, что от него осталось. Я отстроил дом. — Пять Монахов махнул рукой в сторону лесистого обрыва. — И мне там хорошо. Только бывает очень одиноко. Особенно зимой, когда люди празднуют Рождество...

— Бедный, — сказала она с почти материнским умилением в повлажневших глазах. И неожиданно даже для самой себя, проведя рукой по его голове. Его длинные волосы, собранные в хвост, были шелковистыми, как у девушки.

— Ну, мне пора, — сказала она. И поднялась, собрав силы. — Ох, — пошатнулась она, закрываясь тыльной стороной ладони от солнца. Но парень не дал ей упасть, подхватив её. Вдруг он поднял её и понес.

— Держись за шею. Крепче!

Она не закричала, не стала отбиваться, но притихла на его руках, трепетно дыша ему в слынную шею. Его сердце молотило о грудную клетку, но Павел — такое у него было имя — донес её почти до самого поселка, где находился санаторий.

4.

— Ты пришла! — сбежал к ней с обрыва Павел. Его лицо сияло от счастья.

— Привет! — одарила она его беглой улыбкой, пребывая в том настроении, которое охватывает человека, миновавшего смертельную опасность, только что ему грозила. Она положила сумку на песок, стащила с себя футболку, сняла шорты. И осталась в косынке и в купальнике цвета морской волны. В стремлении жить на полную катушку она была готова на все.

— Ах, какая ты! — вздохнул он.

— Какая?

— Необыкновенная, — сказал он с нежностью.

— Я в море! — воскликнула она.

И решительно бросилась в воду, всплунув на берегу черного баклана. Павел взглядом проследил брейющий полет птицы. А когда он перевел взгляд на женщину, она уже сидела на камне, лежавшем в море. Огрызком карандаша он стал быстро рисовать её на картоне, чтобы потом выложить из янтара картинку, но не для продажи...

— Я замерзла! — крикнула женщина.

И, соскочив с камня, поплыла обратно.

Когда она вышла из воды, он уже шёл к ней навстречу с её полотенцем.

— Разотрись, — сказал он, в его взгляде читалось почтительность и... желание.

Странно, но ей это понравилось. Она чувствовала себя гораздо лучше, чем по приезду в санаторий. Ныне она отмахала три километра и совсем не устала. Небо было в тучах. Солнце не пекло голову. Солёный морской ветер вдувал силы. За две недели, проведенные на берегу, она окрепла. У неё даже волосы стали расти на голове. Но косынку она не снимала.

— Ну, я готова. Показывай свой ритуал.

Господи, как же он обрадовался!

— Каждое упражнение нужно делать двадцать один раз. Вот первое... Смотри!

Он выпрямился с вытянутыми в сторону руками.

— Руки на уровне плеч. Пальцы вместе, ладони вниз. Теперь кружимся...

Глядя на него, она стала кружиться, ощущая себя девчонкой, беззаботной и свободной как ветер. У нее хорошие анализы. И завтра она улетает в Москву! Но совсем иной, чем до встречи с Павлом. Жаль его конечно, но у нее своя жизнь. Любимая работа, круг знакомых. От этого никуда не денешься...

— У-у-у...

И её грустные мысли о том, что завтра эти игры на берегу моря закончатся, подхватил и унес морской ветер...

— Уф! — села она на песок, раскинув точечные ноги. — Голова кружится...

— Теперь нужно лечь на спину, — сказал он, когда она немного отдохнула.

Павел лёг на спину и вытянул руки вдоль тела.

— Выдох... А на вдохе поднимаем голову, касаемся подбородком груди и поднимаем ноги... С выдохом плавно опускаем голову и ноги... Вот и все... Поехали!

Это упражнение она сумела выполнить только пять раз.

— Трудно? — посочувствовал Павел.

— О, нет, — солгала она, хотя перед её глазами плыли багровые пятна, но она поставила перед собой цель: рано или поздно выполнить этот ритуал по полной программе.

— Третий монах.

Ей было приятно смотреть, как он, тонкий, мускулистый, прогибает спину, стоя на коленях. Встав на колени, она стала повторять его движения; со вздохом запрокидывала голову

назад, выставляя вперед грудь и прогибая позвоночник... Павел был на седьмом небе от счастья.

— Теперь садимся...

Он сел на песок и вытянул ноги перед собой.

— Ступни на ширине плеч. Пальцы ног тяни на себя. А ладони прижми к песку возле... — он застеснялся.

— Задницы?

— Да. Теперь выпрями спину. Опusti голову, и постарайся коснуться подбородком груди. Выдох. А со вздохом запрокинь голову как можно дальше назад, подними бедра... Вот это гибкость! Молодец... У меня так не получается!

— Я была танцовщицей...

— Ух ты! — изумился он. — В детстве матушка читала мне сказку Андерсена про стойкого опьянного солдата и танцовщицу, ради которой он...

— Это моя самая любимая сказка, — сказала она, вздохнув. — А что нам говорит пятый монах?

— Ах да! Смотри!

Прогнувшись, он оперся на ладони и пальцы ног. Голова его была поднята и запрокинута назад.

— Запомнила?

— Да.

— Теперь выдох, а со вздохом... Не сгибая рук и ног, поднимайте задницу и касаемся подбородком груди... Выдох! — принял он исходное положение.

— Здорово, — сказала она.

Это упражнение она смогла выполнить только пять раз. Потом они легли на песок. Совсем близко друг к другу. Он нашел её руку и небольно сжал её пальцы. Это было дружеское пожатие.

— Ты меня любишь? — спросила она, подумав.

— Да, — признался он.

Она взяла его руку и положила себе на грудь.

— Ты хочешь любви? — спросил он с надеждой.

— Да, — сказала она, готовая полюбить до безумия.

И приоткрыла губы.

Дрожа, он провел рукой по её голени, отползавшей морем. Не открывая глаз, она бессознательно обняла его...

Неизбежность скорой разлуки удесетеряла её страсть, придавала любовному акту жгучую мучительную остроту. Женщина любила в нем каждую клеточку. Но так и не решилась сказать ему, что завтра она уезжает.

5.

Под Рождество она решила вырваться из города к морю, чтобы увидеть Павла — она стала тосковать по нему. На рождественских распродажах она накупила ему кучу подарков, включая теплые вещи для зимы. И, позвонив в регистратуру санатория, забронировала номер в гостинице. Регистраторша Алина, принявшая заказ, тут же наслепистала доктору Юшкевичу, еще больше растолстевшему и полывсехшему за минувшую осень.

— Та самая танцовщица? — удивился он, уже давно ничему не удивлявшийся.

— Ну да. Наша красавица.

В тот же день Юшкевич позвонил своему бывшему однокласснику в Москву, врачу-диалогу и, поздравив его с Рождеством, поговорив о том, о сем, между прочим спросил, как дела у пациентки, и назвал фамилию танцовщицы.

— Она выздоровела! — бойко сказал приятель. — Магнитно-резонансное сканирование показало — всё чисто! Представляешь? И она продолжает работать. Открыла школу "Пять монахов". Что-то вроде йоги, черт знает, но желающих заниматься у неё немало. У неё даже волосы отросли, что, сам знаешь, после облучения... И я не узнал её, когда встретил на Арбате...

Ах, какая женщина!

Какая женщина!

Мне б такую... —

пробасил он в трубку, подвыпивший.

Поговорив с Москвой, доктор Юшкевич долго сидел в задумчивости, глядя в окно, где качались на морском ветру черные кроны сосен. Потом, покопавшись в ящиках своего стола, заваленных бумагами, отыскал свой "мэтирولو", и порвав его в мелкие клочки, бросил обрывки в корзину.

— Пять Монахов никогда не ошибался, — вслух подумал он.

По этому поводу стоило пропустить. И доктор пропустил, достав из портфеля подарок одной из пациенток — бутылку коньяка. Потом, посидев в размышлении о превратностях судьбы, стал надевать "пуленепробиваемое" пальто. Собираться домой в свою холостяцкую квартиру, мимолетно пожелав бедного почтальона по прозвищу Пять Монахов, умершего в декабре в своем доме на берегу — не иначе как от тоски. По женщине, которую он так любил.

Елена
САПРЫКИНА

Осталось ждать совсем немного...

Там, где ивы стелют у реки
Яркие зелёные постели,
Где скрывали солнце сосны —
Майские жуки вчера взлетели.

Там, не зная страха, не ропща,
Можешь ты идти по тропке узкой
Под покровом тонкого луча,
Если ты живой и если русский.

***

Ты — тонкокрылый призрак лета.

Ты — тишины густая взвесь.

Ты — верная судьбы примета.

Ты нескончаемый... Ты весь...

И берег утренний тайшайский,
И растревоженный вулкан,
И песня чистая без фальши,
И радуга, и ураган.

Тебя нельзя понять однажды
И навсегда переломить.
Твоей невыразимой жажды
Не разгадать, не утешить.

И что земное многоцветье
Тому, кто лёгкою рукой
Качал и рвал ночные сети
И знал молитвенный покой.

Но взгляд лучист, и царственно-спокоен
Ваш скорбный лик, чеканна пальцев вязь.

***

Из года в год ты тянешь поневоле
Возок судьбы.

Тебе в награду чёрный дым, не боле,
Да гром пальбы.

Твоя неделя тонко, семиструнно
Звенит, звенит...

Идешь, покада солнечные руны
Плывут в зенит.

Твои шаги тихи, как эти блики
Слепой луны.

Среди людей-теней, среди великих
Все мы больны.

Ты видел свет по кромке небосвода,
По дну ковша.

Тебе теперь дарована свобода —
Твоя душа.

***

Смотри туда, где дышит горизонт,
Где облако восходит золотое.

Там тишина.

Всё остальное — фронт.

Окопы и война — всё остальное.

Мир калечит, крест излечит
От потехи и стыда.

Там, за дикими горами,
Новый выстроен ковчег.

Пляшет солнце в белой раме,
Словно снежный человек.

Это тучи, просто тучи,
Не разгонишь их рукой.

Так меня молитве учит
Нераспроданный покой.

Нет дорог — иди полями,
Стань под око синева.

Нет пещеры — скройся в яме
От неистойвой молвы.

***

Москва, пронизанная током,
Опутанная проводами...

Прильнуть,